

совершенства, ниспосланный из мира призрачных явлений. Так появляются легенды о прекрасном золотом веке, об уже минувшем, грядущем или существующем где-то сейчас совершенном и гармоничном мире.

Всматриваясь в окружающий его мир, обеспечивающий жизнь, но в то же самое время таящий постоянную угрозу, человек вспоминал (или сам придумывал) красивые истории и отрешался с их помощью от меркантильных проблем и воспарял над преходящим, приобщаясь к вечному и неизменному. Так достигается ощущение свободы, немислимой в мире вещей и потому так страстно желанной.

Но жить приходится здесь и теперь, а потому стоит подумать о том, как сделать более понятным и приятным свое земное существование. Необходимо ответить на очень сложные вопросы, например: как объяснить противоречия жизни человека и мира в целом, почему мир не гибнет, постоянно изменяясь, распадаясь на составные элементы, а существует в ожесточенном внутреннем единстве? Это один из главных вопросов, волновавших и мучивших людей многие тысячелетия, и найти ответ на них было жизненно необходимо, поскольку не только природа, но и мысль человеческая не терпит пустоты.

Человек не будет человеком, если свои скудные и отрывочные знания о мире не дополнит с помощью воображения до всеобъемлющей целостной картины, ибо и сознание и природа человека целостны по своей сути, и потому понятно человеческое стремление жить в целостном, сконструированном по особым правилам мире, в котором нет неясностей и противоречий, а простые и понятные идеалы указывают направление и помогают ориентироваться во времени и пространстве.

Интуитивное ощущение того, что окружающий мир органически целостен, что все в нем взаимосвязано и взаимообусловлено, что есть нечто, удерживающее мир в неустойчивом, но постоянном равновесии, издревле присуще человеку.

И во все времена находились незаурядные личности, просчитывающие свои и чужие действия, и поступки на несколько порядков вперед. Такие незаурядные личности брали на себя тяжкое бремя сотворения мира мечты. Добраивая разорванную повседневность, наполняя смыслом жизнь окружающих их людей, возвращая им ощущение полноты бытия, прозорливые и сами не оставались в накладе. Проповедуемые доктрины были лишь верхушкой айсберга, истинный их смысл оставался очевидным лишь для их создателей, да и то не в полной мере.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ И КОММУНИТАРИСТСКАЯ ПАРАДИГМЫ

Н. Куделькин

Чарльз Тейлор в своей статье «Пересечение целей: спор между либералами и коммунитаристами» отмечает, что реальные расхождения между либералами и коммунитаристами существуют, но также имеется определенное пересечение целей, вносящее путаницу в эту полемику, что обусловлено смешением совершенно двух разных типов проблем, которые можно, соответственно, отнести к онтологическим вопросам и к вопросам отстаиваемых позиций. Онтологические вопросы относятся к тому, какие факторы вы хотели бы включить в свое понимание общественной жизни. Вопросы отстаиваемых позиций касаются нравственных принципов или приемлемой политики. Тейлор пишет, что в англоязычном мире существует некоторое семейство теорий либерализма, которые являются весьма популярными, которые он называет «процедурными». Они рассматривают общество, как ассоциацию индивидов, каждый из которых имеет собственное представление о добродетельной и достойной жизни и соответствующий план жизни. Функция общества должна заключаться в максимальном содействии этим жизненным планам согласно некоторому принципу равенства, то есть содействие не должно носить дискриминационного характера. Тейлор задается вопросом, что это значит: должно ли это содействие стремиться к равенству результатов, ресурсов, возможностей, способностей или чего-либо еще. Однако большинство авторов согласны в том, что принцип равенства или отсутствия дискриминации был бы

Н. Куделькин,
магистрант факультета
политологии и социологии
Уральского государственного университета

нарушен, если бы само общество поддерживало ту или иную концепцию добродетельной жизни. Это было бы равнозначно дискриминации, поскольку допущено, что в современном плюралистическом обществе существует широкий спектр воззрений о добродетельной жизни. Любое воззрение, поддержанное обществом в целом, было бы воззрением одной части граждан. В итоге, другие граждане, воззрения которых не пользуются официальным признанием, были бы ущемлены по сравнению с теми, кто придерживается установленных взглядов.

Таким образом, либеральное общество не должно опираться ни на какое конкретное понятие добро-

детальной жизни. Этика либерального общества есть, скорее, этика права, а не блага, то есть ее основные принципы относятся к тому, каким образом общество должно регулировать и примирять конкурирующие требования отдельных индивидов. Эти принципы должны включать в себя отношение к индивидуальным правам и свободам, однако для любого либерального общества центральным должен быть принцип максимального и равного содействия. Он не говорит о том, достижению каких благ общество будет содействовать, какие блага достижимы при данных стремлениях и требованиях граждан — членов общества. Центральным пунктом здесь являются процедуры принятия решений, поэтому Тейлор называет эту ветвь либеральной теории «процедурной».

Основной идеей в критике Тейлора становится тема утраты: либеральное общество, в силу преобладания индивидуализма и социального атомизма, утрачивает свою способность поддерживать общественные ценности среди людей, такие, как патриотизм, без которого немислимо существования республиканского строя. Это умаление роли социума и социальных связей приводит к тому, что либерализм в своем стремлении защитить и поддержать достоинство и автономию человека подрывает общественные связи и ассоциации, которые только и могут обеспечить человеческое процветание.

Одним из центральных моментов, который вызвал определенную дискуссию, является вопрос о природе ценностей. Наиболее важным и интересным результатом обсуждения природы ценностей было то, что оно поставило в центр внимания социальный аспект проблемы ценностей и столкнуло друг с другом две позиции, которые обобщенно можно было бы охарактеризовать как универсализм и контекстуализм в понимании ценностей. Благодаря этому столкновению было достигнуто более глубокое осмысление этих позиций, были осознаны их слабые и сильные стороны.

На первый взгляд может показаться, что противоположность между универсализмом и контекстуализмом выражается лишь в признании или, соответственно, отрицании общезначимости ценностей. Так, согласно универсализму, существуют ценности, которые присущи всем культурам, во всех частях света и во все времена, которые не зависят от специфики социальных, исторических и культурных условий. Однако универсализм, как правило, не утверждает, что все ценности являются таковыми, а лишь наиболее фундаментальные и важные из них. Наоборот, согласно контекстуализму, не существует ценностей, присущих всем культурам, поскольку каждая культура характеризуется своей, только ей присущей, совокупностью ценностей. Это означает, что ценности зависят от социальных, исторических и культурных условий, то есть, зависят от того контекста, в котором они сформировались и существуют.

Указанная противоположность между универсализмом и контекстуализмом в понимании ценностей схватывает лишь внешнее, не очень существенное различие. Значительно более глубокое расхождение между этими позициями обнаруживается, когда мы обращаемся к тому, как они трактуют источник ценностей. Дискуссия между либералами и коммунистами убедительно продемонстрировала, что принципиально разные подходы к решению

именно этого вопроса и определяют специфику универсалистского и контекстуалистского понимания ценностей. Так, универсализм видит источник ценностей в человеческой природе (например, ценностное отношение к миру трактуется как особое свойство нашего разума или одно из условий нашей рациональности) или в Боге, которые и выступают гарантами их универсального характера. Для контекстуалистского подхода свойственно перенесение источника ценностей в социальную среду, в многообразие социальных практик, обычаев, традиций и так далее.

Коммунитарная критика обвинила либералов в приверженности к субъективистской концепции ценностей. Основанием для такого вывода послужили следующие рассуждения. Поскольку теория Ролза, да и вся либеральная политическая философия принимает, что человек свободен в выборе ценностей и сам решает, что ему считать достойной жизнью, то это означает, полагает М. Сэндел, что индивидуальные представления о благе и о жизненных целях являются не более как произвольным выражением предпочтений и желаний человека и потому не имеют рационального обоснования. По существу, они обоснованы не более, чем те желания и предпочтения, выражением которых они служат, а последние не являются интегральными и существенными атрибутами личности, поскольку в теории Ролза личность понимается как «чистый субъект», лишенный каких — либо конституирующих его свойств. Согласно Сэнделу, этот вывод подтверждается и либеральным принципом нейтральности, из которого следует, что ни одному представлению о благе нельзя дать более рациональное или объективное обоснование, чем любому другому.

Естественно, либеральные мыслители вступили в диалог с коммунистами, и наиболее развернутое и интересное обоснование универсализма в понимании ценностей было обосновано Т. Нагелем, который наряду с другими философами усматривает объективный фундамент ценностей и морали вообще в самом понятии рациональности. Выдвигая аргументы в пользу универсалистского понимания ценностей, Нагель опирается на разработанную им концепцию объективности. Согласно этой концепции, «объективность — это метод понимания». В первичном смысле объективными являются наши взгляды и позиции, а уже затем производным образом мы определяем как объективные истины, которые получены в результате объективного понимания. Для Нагеля является неопровержимым тот факт, что каждый человек занимает свое особое место в мире и обладает своим — субъективным взглядом на окружающий мир. Однако это не противоречит возможности объективного взгляда на мир, которую Нагель связывает с нашей способностью «сделать шаг в сторону от нашей первоначальной позиции и сформировать новое представление, которое в качестве объекта имеет наш первоначальный взгляд и его отношение к миру». При такой трактовке объективности различие между более субъективными и объективными позициями является лишь вопросом степени: более объективная позиция лишь в меньшей степени опирается на специфические черты индивида и его положение в мире. Так, «точка зрения морали является более объективной, чем точка зрения частной жизни, но менее объективной, чем точка зрения физики».

Итак, Нагель трактует моральные требования и ценности вообще как рациональные и объективные основания для человеческих действий, не зависящие от желаний, чувств, интересов и нужд человека и имеющие нормативный характер. Возможность таких рациональных и объективных мотивов человеческой деятельности он видит в том, что человек всегда может сделать шаг в сторону, выйти как бы за пределы самого себя и задаться вопросом: что мне следует делать, если я нахожусь в такой-то ситуации и если я испытываю такие-то желания, стремления, подвергаюсь такому-то давлению со стороны окружающей среды и так далее. Наиболее важным, отмечает Нагель, здесь является то, что, задаваясь таким вопросом, человек ищет правильный ответ, а не пытается уяснить некоторое свое желание более высокого уровня, то есть, человек

«старается решить, что при данных внутренних и внешних обстоятельствах следует делать, и это означает — не что я должен делать, а что должен делать любой человек при таких обстоятельствах». Из этого следует, что моральные суждения, как правило, выражаются не в форме от первого лица, а являются безусловными и безотносительными по характеру.

Джон Ролз «Теория справедливости», 1971.

Ч. Тэйлор «Пересечение целей: спор между либералами и коммунитаристами» 1980.

Д. Ролз, «Идея блага и приоритет права», 1988.

Nagel T. The Last Word.

М Сэндел «Либерализм и пределы справедливости», 1982.

МЕНТАЛЬНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В РОССИИ

М.Ю. Мирошников

Современные события и процессы, происходящие в России, такие, как предложение Президента об изменении порядка выборов руководителей субъектов РФ, мировой терроризм и его проявление в Беслане, неминуемо пробуждают ряд вопросов. Каким образом политическая ментальность проявляется в политическом дискурсе? Как ментальные структуры того или иного народа отражаются на его дискурсивных практиках? Ответы на данные вопросы предполагают анализ соотношений таких весьма многозначных понятий как ментальность и дискурс.

Если под дискурсом понимать все то, что не только проговаривается, но еще и мыслится, и чувствуется во время коммуникации, т.е. то, что ведет в итоге к пониманию предмета, о котором идет речь, поскольку участникам коммуникации известны необходимые для этого культурные коды, то именно этот *невидимый и неслышимый план дискурса, называемый нами виртуальным, является репрезентацией феномена ментальности*.

Ментальность, актуализируясь в дискурсах текстов, речей, образов, символов, различных культурных и социальных практиках, тем самым обнаруживает себя, «всплывает на поверхность» определенной своей частью, «проговаривается».

Проговорившаяся в дискурсах ментальность не выставляет всю себя наружу, а показывает только «вершину айсберга». Разглядеть ее «подводную» часть — задача дискурс-анализа.

Но чтобы провести такой анализ, надо хотя бы в главных чертах представлять, в каком направлении следует проводить исследование, т.е. выяснить, что собой представляет эта виртуальная реальность под названием «ментальность».

Существует множество определений понятия «ментальность». Об этом множестве уже написано множество работ. Для нас главным источником в этом океане точек зрения является авторитетное мнение представителей французской школы исторических и социальных исследований, известной

Михаил Юрьевич Мирошников,
аспирант Института философии и права
УрО РАН

как школа «Анналов», благодаря которым данный термин вошел в широкий научный оборот.

Программа изучения ментальных структур определенных исторических эпох и народов является фирменным знаком школы «Анналов». Впервые ментальность как особый предмет исследования предстала в творчестве одного из основателей данной школы М. Блока. В своем фундаментальном труде «Феодальное общество» (1939), ставшем классикой медиевистики, Блок специально остановился на «особенностях чувств и образа мыслей» людей раннего средневековья. В сфере его внимания оказались отношения средневекового человека к природе и ко времени, коллективные религиозные представления, память, эпос, язык. Свойства человеческой ментальности рассматривались Блоком в тесной связи с характеристиками социальной структуры и материальной жизни.

Большой вклад в изучение конкретно-исторических ментальных структур внес другой лидер школы «Анналов» Л. Февр. В своем самом известном труде «Проблема неверия в XVI в.: религия Рабле» (1942) Февр приходит к важному выводу: